

И.В. Мамиева

Мир души художника (писателю Сергею Хугаеву – 80 лет)

И.В. Мамиева*

*«Когда человек выполняет дело, ради которого родился на свет, он великолепен».
Ян Ардуи.*

Не секрет, что официальное признание заслуг творческой личности носит оттенок непредсказуемости. Редких счастливых фортуна посещает вовремя. Парадокс в том, что, обласкав одних заблаговременно (зачастую без всяких на то оснований!), к другим она не спешит и является порой столь поздно, что может на месте уже не застать. Почему так происходит? Причины разные, перечислять все нет смысла. Но есть некий фактор – суть его закодирована в известном выражении «характер – это судьба», – вот о нем, полагаю, излишне здесь вспомнить. В приложении к личности Сергея Заурбековича Хугаева – талантливого поэта и прозаика, публициста с острым пером, который поднимает в своих статьях животрепещущие вопросы современности, в том числе проблемы национальной идентичности, базовых ценностей осетинского народа, – истинность данной формулы бесспорна. По всеобщему признанию, деликатность и скромность («нымд») – константные черты нрава, сопутствующие ему с первых шагов в творчестве и до вершинных достижений, достойно увенчавших нынешний юбилей писателя. Отраднo, что свое 80-летие С. Хугаев встретил в звании «Народного писателя Осетии». Но позволим себе реплику: de facto обладателем этого статуса он стал несравнимо раньше, уже многие годы творчество мастера слова активно востребовано как профессиональными ценителями художественной литературы, так и широким кругом читателей, то есть осетинским народом.

С.З. Хугаев

Душа и совесть будущего писателя формировались на отцовской земле, в родовом (фамильном) поселении Челет Джавского района Юго-Осетии, где вешним майским днем 1933 года он появился на свет в трудолюбивой и дружной крестьянской семье. Мальчик рос в атмосфере устной поэзии и фольклорного мировосприятия, особенно впечатлила его народная певческая культура, когда накануне обрядового пиршества мужчины села, все – родичи, садились в круг возле огня и варили пиво. Священнодействие сопровождалось почти безостановочным – с ночи до утра – хоровым пением. «Более прекрасного и радостного чувства не знало с тех пор мое сердце», – признаётся он впоследствии (из анкеты 1997 г.).

В 1944 году семья переехала в Северную Осетию и обосновалась в селении Тарское. Здесь С. Хугаев окончил среднюю школу в 1950 году и в тот же год поступил на историко-филологический факультет

Северо-Осетинского педагогического института. По завершении учебы с группой сокурсников был распределен в Дагестан. В течение десяти лет (1954–1964) учительствовал, вначале – в Ботлихском районе данной республики, затем дома, в Северной Осетии. В эти же годы увлечение поэзией привело его в Литературный институт им. М. Горького, на отделение заочного обучения.

Личностный и творческий потенциал Сергея Заурбековича проявился уже в студенческие годы, когда на страницах республиканской печатной

Мамиева И.В. – вед. н. с. Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.

ти стали появляться его стихи. Знаменательно, что первая книжная публикация автора – сборник стихов «Бонвæрнон» («Утренняя звезда», 1962) – состоялась совместно с Ш. Джикаевым и К. Ходовым – ныне признанными мэтрами осетинской поэзии. Собственный же «первенец» – книга стихов «Мæ сыхæгты номæй» («Гимн соседям») – увидел свет в 1968 году, через восемь лет был издан второй поэтический сборник «Фæндаджы мæт» («Перед дорогой», 1976) и спустя почти тридцать лет третий, итоговый – «Хуры рæгъ» («Тост за солнце», 2008). Большие интервалы между выходом книг – лишнее доказательство основательности поэтических исканий автора, строгой требовательности его к «мысли изреченной».

Рамки юбилейной статьи не позволяют дать сколь-нибудь развернутую оценку литературному дарованию С. Хугаева. Если коротко характеризовать суть его творчества, то это – динамика человеческой души на фоне вечного движения и трансформаций в мире природы и общества, людских взаимоотношений.

Книга стихов С. Хугаева с лучезарным названием «Хуры рæгъ» («Тост за солнце») открывается четверостишием, в котором сформулировано жизненное кредо автора: долги человеческие необозримы, но самый тяжкий из них – достойно нести бремя жизни, не афишировать свою боль и страдания, личные препоны и неудачи – не дать им застит белый свет. Если спроецировать это видение поэта на его творчество, то можно заметить здесь действие тех же принципов. У Сергея Хугаева много стихотворений с обнаженным, скажем так, автобиографизмом. В их ряду – воспоминания детства и юности («О, сымах, мæ рагбонтæ...» / «О вы, мои ранние годы...», «Сабибонтæ сонт æмæ фыдуаг ысты...» / «Дни детства шаловливы и резвы...», «Уыдтæн ма къаннæг саби уæд...» / «Был я тогда еще мал...», «Ме стыр цин мæм хуры тынау разынди...» / «Будто солнца луч, мне открылась великая радость...», «Мæ къухтæ» / «Мои руки» и др.), образ отца и тема преемственности фарна предков («Скъолайы раз» / «Перед школой», «Мæ фыды лæдзæг» / «Посох отца», «Фыдæлты зарæг» / «Песнь предков» и др.), картины сельской жизни («Хъæуккаг фын» / «Сон в деревне») и родной природы. Очень много личного в раскрытии темы любви – в анатомии юношеской влюбленности, а затем и зрелых чувств, когда любовь предстает как источник вдохновения («Чи зоны та ауылты цæудзынæ...» / «Быть может, снова здесь пройдешь ты...», «Мæ сæнтты 'рдуз» / «Поляна грез моих...»), надежды и жизненных сил («Дæ мидбылхудт» / «Твоя улыбка», «Æхсæвы» / «Ночью»); анализируются различные нюансы и оттенки чувств, как то: негасимый

свет любви («Нæ мæ равдæлд мæхимæ дæр, дæумæ дæр...» / «Времени не было ни для себя, ни для тебя...»), сожаление об утраченном («Ды фæцыдтæ...» / «Ты ушла...», «Мах лæууыдыстæм тигъыл...» / «На углу мы стояли...», «Æз мæ балцы 'нафоны фæраст дæн...» / «Снарядился в дорогу не вовремя я...» и др.), драма недоверия («Не 'ууæндын, цæуыл не 'ууæндын, ууыл...» / «Не верю в то, во что не верю...»); с улыбкой говорится о серьезном («Уарзты хадзы» / «Хаджи любви» и др.). Потаенной душевной болью и грустным юмором пронизаны стихи с биографическим «я», написанные автором в последние годы. Но в них есть и жизнеутверждающее начало, некий нравственный заряд, вселяющий в нас надежду и оптимизм («Цæрæнбонты дæллаг галы куыст кæ...» / «Всю жизнь работай, словно вол...», «Царды æдде» / «За порогом жизни» и др.). Пожалуй, не ошибемся, если скажем, что ярче и убедительнее звучат те строки поэта, где свое, частное укрупняется до общезначимого, апеллирует к «созвучию сердец», вызывая у читателя глубокий эмоциональный отклик.

Свет поэзии С. Хугаева – это свет чистой и цельной его души. В стихотворных строках мы слышим биение его сердца в унисон динамизму социальной жизни («Æз дæн зæрдæ» / «Я – сердце»), истовую мольбу к солнцу о ниспослании миру света и тепла («Ракæс, хур!» / «Выгляни, солнце!», «Дун-дунейыл их-къæвдатæ уарыд...» / «На мир низвергались ледяные дожди...»); становимся свидетелями сшибки различных чувств и желаний («Кæд-иу мын зарай, уæд æрмæст – дæ цыныл...» / «Коль будешь петь мне, то – лишь о радости своей...», «Цы дæм кæсон?...» / «Что мне смотреть на тебя?...», «Гъеныр, гъе, мæнæ...» / «Вот же, вот...», «Æз тыхсын» / «Я тревожусь...» и др.).

В творчестве С. Хугаева сильны идеи служения народу («Кæны изæр...» / «Вечереет...» и др.), интернационального братства («Æмæ уыдзысты Дунетæ æмвынг...» / «И усядутся народы за общий пиршественный стол...»), осознание высокой цели и назначения поэзии; заявлена твердая гражданская позиция творца («Уæдæ лæгыл цæй бирæ хæстæ ис...» / «О как же велики долги человеческие...»). Это все темы, унаследованные от осетинской классической литературы. Не случайно личностным и художническим идеалом автора является великий Коста Хетагуров – светоч народа. Размышлениям о его трудной судьбе и беспримерном подвиге Сергей Заурбекович посвятил немало вдохновенных строк («Цæгатаг фын» / «Северный сон», «Къоста» / «Коста» и др.).

В поэтической кладовой С. Хугаева большое место отводится образу родины, теме исторической судьбы Осетии, преемственности поко-

лений («О, фыдæлтæ, уайут та мæ цæстыл...» / «О, предки, вы вспомнились мне снова...», «Балладæ сьджыты мурыл» / «Баллада о горсти земли», «Хæхты» / «В горах», «Цæр, мæ Ир» / «Живи, мой Ир» и др.).

Поэт – родом из военного детства. Не оттого ли память о великих потерях отзывается в его сердце обостренной чувствительностью?!.. О боли матерей и вдовьих слезах, о невестах, не дождавшихся венца, – стихи С. Хугаева «Зынгхуыст хъæбултæ» («Погибшие дети»), «Мад» («Мать»), «Балладæ мæ сыхæгтыл» («Баллада о моих соседях»), «Чызг бадти уаты...» («Девушка сидела в комнате...») и др. И не оттого ли так искренне, гимнически прочувствованно звучит его слово в защиту мирного труда, за жизнь на земле без зла и насилия. «Земля – сердце», и его не надо делить на части, «раздавать домам, деревням, государствам», – восклицает автор. В отличие от тех, кто разжигает пламя раздора, льет реки крови, поэт-мироносец занят созиданием. Эта мысль реализуется в метафоре укоренения в земле побегов и бережного полива их принесенной в папахе водой из оврага («Фарн а зæххыл» / «Фарн на этой земле»).

Еще один нерв творчества С. Хугаева – поэзия крестьянского труда, тоска по земле, по живой связи человека и природы, уходящая к истокам бытия («Нæ куырой» / «Наша мельница», «Нæ мус» / «Наш овин», «Хосгæрдæн» / «Сенокос», «Æз федтон: машинæйы бастæй...» / «Я видел: связанный, в машине...», «Æхсæв хъæуыл раулæфыд комæй...» / «Ночь дохнула из ущелья...», «Бæлас» / «Дерево» и др.). Теплая душевность и метафоричность философского дискурса характерны и для стихов об уходящих жизненных ценностях и их носителях и заступающих им на смену неоднозначных явлениях («Бадынц зæрæдтæ» / «Сидят старики», «Нæ ирон цард» / «Жизнь осетинская» и др.).

Иная тональность присутствует в стихах, осмысляющих истоки и характер деформаций в социальной и духовной сферах жизни современного общества. Здесь превалируют элементы публицистической «плакатной» сатиры. Поэта раздражает безудержная говорливость, горы словесного мусора, под которыми погребена в перестроечную эпоху творческая и любая иная деятельность («Низ» / «Болезнь», «Гæххæтт» / «Бумага» и др.). Социальные метаморфозы и кризисы, должностные соблазны и злоупотребления переданы им через обличительный контраст, скрытую насмешку, прием овеществления («Иутæ æмæ иннæтæ» / «Одни и другие», «Публицистон æмдзæвгæ» / «Публицистическое стихотворение», «Демократи» / «Демократия», «Бандæттæ» / «Кресла», «Фынг æмæ бандон» / «Треножник и кресло» и др.). Жестко критикуя

изъяны действительности, С. Хугаев, можно сказать, создает образ нового голода, отличного от недоедания в его детстве. Это – голод по духовности. Животной сытостью тех, кто «уплетает обильно пропитанные маслом пирожки» («Ныфыссы ыл судзгæ эпиграммæ...» / «Напиши на него острую эпиграмму...»), по мысли автора, его не победить, нужны иные, действенные меры...

Безусловно, есть у Сергея Хугаева стихи разного достоинства: с неприглаженностью отдельных строк, неровной ритмической пульсацией, избыточностью апострофов. Но его поэзия в общей сложности открывает читателю самобытный и цельный мир души художника с присущим именно ему восприятием жизни, с тонкой чуткостью к природе и людям Осетии, к ее истории и сегодняшнему дню, к духовным ценностям, выработанным народом на протяжении многих веков.

Весомый вклад в осетинскую повествовательную традицию составили прозаические произведения С. Хугаева. Его рассказы появились в периодической печати почти параллельно с первыми стихотворными опытами. А в 1973 году с изданием повести «Æхсырласæг» («Молоковоз») стало очевидно, что в регистр отечественных прозаиков настало время вписать новое и очень достойное имя. Сегодня перу Сергея Зурбековича принадлежит не один десяток прозаических произведений, среди них повести «Хурвæндаг» («Солнечной дорогой»), «Зарæг баззæди мемæ» («Песня осталась со мной»), «Хохаг уацау» («Горская повесть»), «Мæ уарзон цагъд» («Моя любимая мелодия»), «Нывæдз» («Карта»), «Урсдоны былыл сау фæрдыг» («На берегу речки Белой черная бусина»). В активе писателя и самый крупный жанр прозы – в 1987 г. им написан роман «Ацы хъарм хуры бын» («Под этим солнцем, греющим нас»), посвященный периоду застоя и сменившим его перестроечным процессам в осетинской действительности, а в 2005 г. корпус мифопоэтических произведений отечественной прозы пополнился ярким и самобытным романом «Нарты Фарнæг» («Нарт Фарнаг»). Вдумчивое и неспешное постижение содержания и проблематики перечисленных трудов – задача отдельного серьезного исследования.

Особо удается Сергею Хугаеву, на мой взгляд, жанр короткого рассказа. Усвоив уроки лаконизма и «энергии выражения» (термин Б. Эйхенбаума) славных предшественников – А. Коцоева, С. Кулаева, К. Дзесома и др., автор вносит свою лепту в развитие жанра, обогащает его индивидуально-психологическим видением жизни. Центр тяжести в его рассказах из привычной социальной плоскости смещается в сферу внутреннего мира человека, предметом художественного изображения становятся нюансы движения души. Отсюда – выраженное лирическое

начало его прозы. Еще одна отличительная черта писательского таланта – органическая «вписанность» иронии и юмора в структуру авторского слова.

Для творчества Сергея Заурбековича Хугаева типичен персонифицированный повествователь, который чаще всего находится внутри фабульного пространства (подтип «а» – если не главный герой, то один из основных персонажей), реже – на периферии (подтип «б» – не столько действующее лицо, сколько свидетель). Его мироощущение, восприятие им событий является центром, организующим повествование.

Со страниц произведений автора встает обобщенный образ мальчика родом из военного детства, рано повзрослевшего, терпеливого к нужде и лишениям, с цепкой памятью, фиксирующей мельчайшие детали, способностью анализировать увиденное и услышанное («Ломоть чурека», «Запах теплого хлеба» и др.); но, при всей своей понятливости, персонаж С. Хугаева все же ребенок: иной раз он очаровательно наивен, не прочь покапризничать, а бывает, детские страхи прорываются бурными рыданиями, истерикой («Лекарство для глаза»). Герой, как уже было сказано, внимателен, но многое из событий прошлого корректируется сегодняшним («взрослым») знанием, открывающимся ему или в разговоре с другими («В горном ауле»), или через внутреннее прозрение («Лекарство для глаза»).

Субъект речи в рассказе «Кюердыны кьсебсер» («Ломоть чурека») – уже взрослый человек излагает запавший в душу случай, когда он, совсем еще дитя, по обрывкам случайно подслушанных фраз догадывается о своем сиротстве. Для поэтики повествования С. Хугаева характерны детализация подробностей быта и предметная образность. В «Ломте чурека» они способствуют передаче ненавязчивой, но такой теплой, человеческой заботы односельчан об осиротевшем мальчике и, в целом, – воспроизведению атмосферы тыловой жизни в горной местности, население которой состоит из разучившихся улыбаться немощных стариков, женщин, детей да увечного фронтовика-пахаря; даже скотина здесь смотрит уныло.

Образ-символ голодного военного детства вынесен в название другого рассказа С. Хугаева – «Хьарм дзулы тсэф» («Запах теплого хлеба»). Запах теплого хлеба оживляет в воображении героя-рассказчика сцены из прошлого, когда они, босоногие мальчишки, растянувшись гуськом вдоль плетня, под зорким взором хромого Маха несли под мышками по буханке черного хлеба – из пекарни к раздаточному окошку в правлении колхоза. Несли и вбирали в себя дух свежей выпечки, отзывающийся в сердце магией волшебных созвучий.

Вереница ярких детских образов выведена в рассказе «Хохаг хьсэуы» («В горном ауле»). Автор прибегает к приему живописания облюбованного персонажами локуса, в данном случае это – навес дома героя-рассказчика: под ним и в дождь и в ведро любит собираться сельская детвора, чей возраст отчетливо определяется актуализацией в речи в большей мере слова «хлеб», нежели «война». Благодаря этой «хитрости» удается отразить ритм жизни ребятни, зримо обрисовать экономными средствами многообразие индивидуальностей, речевую манеру каждого: добряка и увальня Габа, плутоватого, эгоистичного Гоги, простодушного и тихого Итала, догадливого и сострадательного Сараби.

В основу рассказа положена трагикомическая история молодого человека, в день свадьбы случайно, по разнарядке, отправленного на фронт. Собственно говоря, перед нами «миражная интрига» (термин Ю.В. Манна), основанная на нескольких заблуждениях: 1) одноногий Гадзе, участник еще той, первой мировой войны и, в силу этого, признанный «эксперт» по ратным делам, уверенно позиционирует пришельца как беглеца с фронта («дизентир»), когда он на самом деле тот, кто дезертиров ловит; 2) ситуация дает повод судачить о добродетельной жене Тадиоза как о женщине легкого поведения; 3) еще больше путаницы вносится с появлением наутро в воротах самого Тадиоза с конвоиром, вчерашним невзрачным «гостем» Залды.

Наполнение драматической сцены воображаемым содержанием – отличный предлог для сатирической обрисовки лиц. Следует серия выразительных портретных штрихов, характерологических деталей, подчас придающих изображению оттенок шаржированности. Одновременно светло и тонко прорисовано представление о «долге жизни» как сокровенной воле, зов которой сильнее, чем биологический инстинкт продолжения рода. Рассказ в очередной раз демонстрирует органичную связь лиризма и сатиры в творческой палитре замечательного художника Сергея Хугаева.

Галерею детских лиц дополнили и портреты, очерченные в рассказах «Мит» («Снег») и «Зокьотсэ» («Грибы»). Стержнем одного из них является поэтизация взаимовыручки: без этого в горах в одиночку не выжить. Понятие «свет учения» приобретает у автора знаковый смысл: вписанное в ряд природных символов, оно становится едва ли не доминантным.

Интонационно-стилистическое своеобразие другого рассказа («Грибы») создается теплотой взаимоотношений старого и малого. Это та школа воспитания, которая была свойственна горской семье, ориентированной на почитание традиций, этикетные нормы поведения. Она развива-

ет в человеке сердечную зоркость, в структуре произведения С. Хугаева явленную многоаспектно. Для деда, чьими устами глаголет народная мудрость, одинаково равны Господь, человек и белочка. В сердцах бранит он «ворюгу»-зверька, упрекает Всевышнего в злоупотреблении своим положением, досадливо переадресуя ему собственные грехи. Но если по отношению к этим двоим персонаж С. Хугаева все же допускает определенную терпимость, то человек в его понятии обязан быть безупречен. Такова должна быть, по мысли автора, иерархия в триаде Создатель – Природа – Человек.

В активе С. Хугаева есть произведения и с более сложной повествовательной структурой, где равноправно функционируют две и более сферы сознания, разные речевые манеры. Очевидным достоинством рассказа «Мөс сыхсөгтө» («Мои соседи») является вербальная организация: язык персонажей глубоко индивидуализирован и служит действенным средством характеристики говорящего. Так, речь Кимыса – словно прорвавшаяся плотина долго сдерживаемых эмоций: тяжелые фразы бьют наотмашь, клеймят позором недостойного. Интонационная кривая Диамбега идет резко вниз: от агрессии и спесивости в начале застолья до затяжной паузы и дежурного пассажа («Дөс хуызсөттимөс фынгыл чи бады, уый дөсөр дөс хуызсөн»), за которым следует поспешное трусливое бегство. Сочный, насыщенный народными оборотами язык Хъарасе гармонирует с его колоритной внешностью, в обрисовке которой большая роль отводится художественной детали. Ну как не запомнить, в самом деле, обезьяну «в позе честного гостя» – татуировку, украшающую кисть руки Хъарасе! Полагаем, она не лишена и символического смысла: автор, вероятно, акцентирует внимание на общительности, подвижности героя, который, как видно, и на скамью-то подсудимых попадает по причине холерического темперамента – постоянно ввязываясь в драки. Что касается Иласа, то в его лице, судя по манере выражения им своих мыслей (механическое поддакивание, «реплики в сторону», опасливое молчание), мы имеем тип «человека в футляре».

Анализ речевых потоков рассказа позволяет гипотетически разбить повествовательные инстанции на два лагеря. При этом вырисовывается любопытная картина: имевший судимости Хъарасе и законопослушный Кимыс спокойно ужились бы вместе, в то время как «нейтральный» Илас вполне мог бы очутиться в одной компании с заносчивым себялюбцем и мошенником Диамбегом. В этом, парадоксальном на первый взгляд, раскладе проявляется глубина авторского осмысления жизни, стремление не довольствоваться тем, что лежит на поверхности, а про-

биться к сути характеров и явлений.

В ряду произведений С. Хугаева с перволичной повествовательной формой особо выделяется рассказ «Бээрзбыйнаг изэртсө» («Вечера в Подберезовке») – очень неординарный, с психологическим подтекстом. Писатель взял на себя труд исследовать сложный и загадочный феномен – разум психически неполноценного человека. Герой явлен в двух ипостасях, коих оттеняет контраст уподоблений: в начале повествования – смеющемуся солнцу на детских рисунках (живой, теплый образ), в конце – торчмя стоящему над оградой обрубку бревна (опредмеченный, «мертвый» образ). Психологически безупречно выстроен финал рассказа с живописанием того, как персонаж С. Хугаева погружается в состояние психического хаоса, как неконтролируемые взрывы эмоций ведут к пробуждению темных призраков его ущербного «я». Повествование в целом завораживает аурой тайны и недосказанности, жизненным и пугающим в своей правдивости содержанием. Тайна как внутренняя сюжетобразующая составляющая материализуется в цепи намеков и обмолвок, дающих ключ к разгадке конечного события.

В рассказе выведен еще один замечательный образ – подберезовских вечеров. Автор устами своего героя-протагониста поэтизирует размеренность деревенской жизни с ежевечерним ритуалом игры «в рифмы», с залившимся смехом, с запеканием на углях молочно-восковой спелости кукурузы, с дразнящим запахом свежеспеченного хлеба и островатым ароматом сыра из кадки с рассолом. Для горожанина Габила каждый из вечеров, проведенных вместе с Урусби и Залдузом, наделен живой и трепетной душой. Летние подберезовские «посиделки» внесли в его жизнь струю свежего воздуха, расцветили ее красками. Но есть у них и сокровенная подоплека, окутанная легким флером романтики и умолчания, это – смутная тяга к девушке «с шелковистыми бровями»...

В «подберезовских вечерах» проступило изумительное свойство пера С. Хугаева, охарактеризованное в критике как акварельность (Ирлан Хугаев). Хрустальной акварельностью дышал ранее узор «белых вечеров» в рассказе с одноименным названием («Урс изэртсө»). Что-то стоит, должно быть, за пристрастием автора к данному времени суток, иначе чего ради бы дважды выносить ему периферийный мотив в заглавие своих произведений?

Элегическое очарование белых вечеров в описании С. Хугаева буквально завораживает: белый свет, заполонивший все подлунное пространство, несет в себе волшебство и магию, преобразая все вокруг. И невозможное становится возможным: произнесенная вслух фраза,

вибрируя и звеня, проходит сквозь сияние света и с легким стуком опускается на подоконник, а динамично «заскочивший с улицы» крик рушит в доме атмосферу интимности и уютной расслабленности; аксиологизируется даже мельничный шум: ради того, чтобы им насладиться, «не грех пуститься в путь хоть бы из другого ущелья». Магия лунного света просачивается и в микромир супружеской пары, беспрепятственно, «будто лучи солнца сквозь облака», проходит сквозь физическую субстанцию, трансформируя ее.

Метафорическая репрезентация концепта «свет» как символики совершенной красоты природы органично соединяется с внутренней темой произведения, к слову сказать, характерной для большинства рассказов писателя. Это – светлая неколебимая вера в человека, идея сердечного участия в жизни других людей, участия обыденного, ненавязчивого, чурающегося хвалы и громких слов благодарности. Оттого так живуче в памяти повзрослевшего героя С. Хугаева чувство удивления и восхищения Дзиццен, женщиной с умиротворенным взглядом, ликом и статью похожей на святую. По прошествии многих лет скупой мужской слезой отзовется он на ее доброту, вспоминая раздувшийся палец целительницы, который она раз от разу протыкала иголкой, чтобы закапать живительную, по поверью, каплю крови в больной глаз мальчика («Цæсты хос» / «Лекарство для глаза»). Оттого накатывает на него жгучее чувство стыда при воспоминании о давнем дне, когда он не сумел или не захотел догадаться о том, что рассказ Мари о сытном праздничном обеде – чистой воды обман, что сестра голодна, как и он, но ее денег в столовой хватило только на одну тарелку супа, которую под удобным предлогом она и скормила брату-первокурснику («Сылгоймæгтæ» / «Женщины»).

И не оттого ли так отталкивающи персонажи С. Хугаева, уличенные автором в злоупотреблении отзывчивостью неискушенных сердец или безвыходностью ситуации, в которых те оказались. Такие, как Гайоз и Михака из «Белых вечеров»: узкие мирки этих приспособленцев противопоставлены цельному и органичному миру Каура, для которого труд – отдохновение души; такие, как Фира из рассказа «Мæ дзæбæх чызг» («Славная моя девочка»). Сюжетообразующая метафора в этом произведении – бездумное, безостановочное движение героини «в никуда»: от одного увлечения к другому, от слабых доводов рассудка к торжеству неконтролируемых биологических инстинктов. Сложные душевные переживания Фире неведомы. В очередной раз прибьет ее течением жизни к чужому берегу – ненадолго, да и ладно! Логически обосновано, психологически убедительно изображение того, как героиню захлестнут вскоре мутные воды иных

желаний, и вот она уже спешит со смертоносным флаконом в сумочке к одинокой старой Фардыг, за которой вызвалась смотреть в надежде получить в наследство ее квартиру. Спешит к финалу своего существования, ибо Его Величество Случай уже занес руку, чтобы поставить точку в шестивии, лишенном какой бы то ни было организующей власти Разума. Читатель не сожалеет об этой смерти, но Фардыг – еще один представитель в типологии бесхитростных персонажей автора – убита горем. Фира стала для нее родной, «славной девочкой». Потому так горьки причитания о той, что несла ей в сумочке смерть...

Наивные герои С. Хугаева... Несмотря на вопиющую неустроенность жизни, они умеют довольствоваться крохами счастья, находить стимул к жизни в привязанности к людям, об истинных намерениях которых им не дано догадаться...

Автономный большой пласт образуют юмористические рассказы С. Хугаева, опубликованные в разные годы, а также составившие отдельную книгу «Уый дын Хепа!» («Вот так Хепа!»). На смену щемящему лиризму в сюжетах о голодном военном детстве, о драматических перипетиях жизни современников здесь заступает комизм характеров и ситуаций. В произведениях автора – брызжущее весельем остроумие, фейерверк доброго юмора, – будь то сюжет о снохе, испекшей два пирога, чтобы по обычаю испросить у Господа блага, как ей кажется, для смертельно больной свекрови испустить дух и перестать мучиться («Дыууæ кæрдзыны» / «Два пирога»); или виртуальный диалог (вопрос-ответ) человека и собаки («Фыйсæуттæ» / «Чабаны»); или детально выписанная история страданий Цимирзы («Цымырзæ»), ставшего жертвой ложного посыла: ценные работники, мол, давно перебрались из села в город; или разгадывание всем колхозным собранием «ребусов» из записной книжки сторожа по имени Циндзура (искаженное «цензура») («Фыссæн чынг» / «Записная книжка»); или исследование любви-болезни, как-то вдруг, в одночасье, поразившей всех мужчин брачного возраста в округе («Дыргъджыйнæгты чызг» / «Девушка из Дыргъджина»).

Автор рассказывает обо всем со скрытой улыбкой – и в этом особое обаяние его произведений. Подобная тональность присуща в последнем рассказе описанию родника на окраине села, с некоторых пор любимого места сборищ мужской половины общества. Секрет в том, что отсюда как на ладони виден дом новопоселенцев, а на террасе этого дома время от времени появляется девушка, в самом имени которой сокрыт намек на вселенского масштаба совершенство – Дунет! Источником смеха становится и контраст нелепых отговорок с истинной мотива-

цией действий сельских ловеласов – таких разных и на удивление так легко прогнозируемых!..

Очевидны и ухищрения Цимирзы из одноименного рассказа, направленные на то, чтобы вернуться в родное село. Работал Цимирза скотником на ферме и горя не знал. Ан нет – захотелось ему городской жизни! А крестьянская душа-то его тоскует по земле. И как услышал он о вакансии на ферме, «сердце его затрепыхало, будто перепелка в силках», глаза от напряжения увлажнились и покраснели. Ходит вокруг да около, не может свою просьбу озвучить: мол, примите меня обратно на ферму. Автор, хоть и иронизирует над своим героем, но жалеет его и любит. Как любит он, например, Нинокку, столько стараний приложившую, чтобы поставить свекровь на ноги. Убедившись же в тщетности усилий, поспешит она к старикам-соседям, чтобы просить вознести молитву об успокоении души Пепены, и, вопреки этикету, будет торопить их: скорей-скорей, вдруг да не застанем уже свекровь в живых! И старики эти автору любы и заняты – сетуют на то, что больной так плохо, а сами исподволь любопытствуют, все ли готово в доме для тризны. Удивительную теплоту и любовь излучают строки, иронически комментирующие «чудесное исцеление» Пепены, которую вернули к жизни аромат пирогов и копченого мяса, да еще уговоры внучек пропустить перед едой пару-другую рюмок араки. А ведь приготовлено было все совсем по другому случаю!.. И уж вовсе ошеломляюща концовка рассказа, когда один из стариков, поспешая, едва не растянулся на земле. Да и как было удержаться ему на ногах при виде Пепены, сидящей на завалинке, и двух девчушек, расчесывающих бабушке спутанные от долгого лежания волосы!..

Более однолинейна типизация характеров в сатирических рассказах С. Хугаева, на тематику которых оказал влияние род занятий автора («Муратбег æмæ иннæтæ» / «Муратбег и другие», «Утæхсæнты бон» / «День мучений» и др.). Обличительный смех здесь зачастую носит черты карикатурности.

Резюмируя сказанное, отметим, что специфику конфликта большинства рассказов С. Хугаева

определяет рефлексия героев по поводу событий прошлого. Организующая их структуру авторская концепция человека раскрывается через синтез лирического и сатирико-иронического дискурсов, находит отражение в личностном самовыражении героев разных типов.

Особого разговора заслуживает редакторская деятельность С. Хугаева: с 1966 по 1971 г. – в Северо-Осетинской студии телевидения, с 1979 по 1981 г. – в отделе критики и публицистики журнала «Мах дуг», с 1971 года и (с небольшим перерывом) по сей день – в издательстве «Ир». За сорок с лишним лет редакторского стажа он дал путевку в литературную жизнь многим молодым дарованиям. У автора этих строк есть собственный опыт диалогических отношений с Сергеем Заурбековичем, сложившийся в ходе подготовки к изданию монографии по проблемам осетинского повествования¹. Этот опыт позволяет позиционировать С. Хугаева как профессионала, очень бережно и корректно обращающегося с чужим текстом – художественным и научным. Заметим при этом, что редакторская должность не подавила в нем, как это нередко случается, писательский дар.

Юбилейное слово о Сергее Заурбековиче хочется завершить ассоциацией, навеянной его стихотворением-посвящением отцу («Æрцыди уалдзæг...» / «Пришла весна...»), чья «легкая рука» бывала бойко востребована односельчанами в разгар весенней страды – зачастую в ущерб собственным занятиям. Но что человеку-сеятелю мелкие неудобства, если компенсация им – божественное вдохновение и удовольствие, получаемое от своей высокой миссии: «Æмæ-иу цонг æддиуæтты ныззылд, / Æмæ-иу гагатæ фæцæйтхысты зæхмæ, / Æмæ-иу уый сæ фæстæ каст, / Цыма сæ бынæтты куы нæ абай, / Уымæй тарсти».

Подобно отцу, писатель Сергей Хугаев, охотно откликаясь на насущные запросы и тревоги времени, размашисто засеивает литературную ниву Осетии отборным зерном поэзии и прозы, прорастающим в сердцах людей благородством помыслов и дел, желанием если не соответствовать идеалу художника, то стремиться к нему.

¹Мамиева И.В. В поисках слова: Динамика взаимодействия автора и героя (на осет. яз.). – Владикавказ: Ир, 2008. 368 с.